

ПОКА НЕ СТИХНЕТ СНЕГ

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Пока не стихнет снег

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Пока не стихнет снег / Р. Махмудов — «Автор», 2026

Анна и Павел приезжают в загородный дом, чтобы разделить вещи и окончательно завершить двадцатилетний брак. Они рассчитывают управиться за несколько часов. Но снежная буря перекрывает дорогу, отключает электричество и лишает их связи. В доме становится всё холоднее. Нужно беречь воду, приносить дрова и поддерживать огонь. Когда разбитое окно и травма превращают ссоры в опасную роскошь, супругам приходится снова довериться друг другу. За каждым предметом здесь — общая жизнь: несбывшиеся планы, скрытая ложь, потеря, о которой они так и не научились говорить. Теперь уклониться от разговора невозможно. «Пока не стихнет снег» — психологический роман о цене молчания и трудном расставании. О том, что остаётся между двумя людьми, когда любовь уже не может удержать их вместе.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Руслан Махмудов

Пока не стихнет снег

Пока не стихнет снег

Руслан Махмудов

Глава 1

Анна привезла ключ, который не подходил к замку.

Она дважды повернула его в скважине навесного замка, вытащила, протёрла пальцем и попробовала снова. Снег набивался в рукав. Между воротами и дорогой уже лежало сантиметров десять рыхлого белого слоя, и машина, которую она оставила на обочине, стояла с опущенным передним колесом в канаве.

У ворот сменился замок. Анна не знала, когда именно. За семь месяцев, прошедших после её отъезда, здесь могли сменить всё: замок, занавески, её чашку с отбитой ручкой. Она думала, что готова это увидеть.

Позади коротко просигналили.

Павел остановил свой серый универсал, вышел и посмотрел сперва на машину, потом на ключ в её руке.

— Ты в канаву съехала.

— Я вижу.

— Почему не подождала на повороте? Я писал.

Сообщение она видела. «Буду без десяти двенадцать. Замок другой». Вторая часть пришла, когда Анна уже свернула с шоссе. На узкой дороге останавливаться не хотелось, а впереди была знакомая колея, по которой она ездила шестнадцать лет.

— Открывай, пожалуйста.

Он расстегнул куртку, достал связку. На одном из ключей осталось жёлтое резиновое кольцо. Анна покупала такие кольца в хозяйственном магазине, чтобы отличать дом от городской квартиры. У неё на ключе кольцо было синим.

Павел открыл ворота и присел возле её переднего колеса.

— Сядь за руль. Только не газуй сразу.

— Я умею выезжать из снега.

— Тогда выезжай.

Он отступил.

Вот за этим она сюда и приехала: один раз услышать «тогда выезжай» и больше не объяснять, почему любое замечание от него кажется ей распоряжением.

Колесо прокрутилось. Анна отпустила газ, выровняла руль и попробовала медленнее. Машина подалась назад, но остановилась. Павел принёс из багажника короткую лопату. Она видела в зеркале, как он отбрасывает снег, опираясь левой ногой, и вспомнила: в декабре у него снова болело колено. Откуда она это знала? Наверное, сказала Вера.

Он постучал в стекло.

— Теперь назад. Плавно.

На этот раз получилось.

Во дворе Анна остановилась рядом с крыльцом и некоторое время держала руки на руле. Дом выглядел меньше, чем летом. На закрытых ставнями окнах второго этажа лежали ровные полосы снега. У стены стояло корыто для дождевой воды, которое Павел не убрал с осени. В корыте застыла зелёная пластиковая лейка.

Ничего не сменили. Даже лейку.

Павел открыл её багажник.

— Что брать?

— Папку. Сумку я сама.

Сумка была маленькая, на одно возможное ночевание. Они условились разобраться до четырёх и вернуться в город. Но ехать зимой сто с лишним километров после долгого разговора

Анне казалось сомнительной идеей, и она положила зубную щётку, тёплые носки, футболку. Вещи, которые приходилось брать в места, где больше не живёшь.

Она подождала, пока Павел достанет папку, и закрыла багажник сама.

В прихожей пахло холодным деревом и пылью. Обувная полка осталась там же, под зеркалом. В углу стояли её резиновые сапоги, в правом лежал носок. Она вытащила его, скатала и сунула обратно, пока Павел снимал куртку.

— Я вчера протопил. Сейчас быстро нагреется.

— Ты был здесь вчера?

— Проверял воду. И дрова занёс.

Ей стало неловко: она предполагала, что всю подготовку придётся делать сегодня. Но благодарить за удобства, которыми он сам собирался пользоваться, не хотелось. Это было мелко, и она узнала свою мелочность сразу.

В большой комнате на столе стоял электрический чайник. Вокруг него Павел расставил четыре банки: чай, растворимый кофе, сахар, сухое молоко. Анна сняла с чайника крышку. Вода была налита.

— Я кофе не пью, — сказала она.

— Знаю.

Банку он привёз для себя. Уже год он пил растворимый кофе: кофемашина осталась у неё в квартире. По разделу она тоже отходила Анне. Они договорились об этом в переписке, без ссоры, и она тогда почувствовала облегчение. Потом перечитала сообщение «кофемашина твоя» и почему-то расплакалась.

Теперь, здесь, ей хотелось только быстрее начать.

Она раскрыла папку, выложила на стол два экземпляра проекта. Сверху положила список вещей с пустыми графами «Анна», «Павел», «продать».

— Это версия от среды, — сказала она. — Я убрала пункт про машину. Каждый оставляет свою.

— Видел.

— Тогда сначала вещи. Потом деньги.

Павел подошёл к печи, открыл дверцу и поправил поленья. Она помнила, что он всегда затягивал с разговором, занимаясь чем-нибудь необходимым. С необходимым невозможно было спорить: зимой действительно надо топить печь.

— И дом, — сказал он.

— Он в разделе про деньги.

— Для тебя.

Анна нашла ручку. Пока он глядел в топку, она написала в первой строке: «Пианино».

Инструмент стоял у внутренней стены, подальше от печи. Тёмный корпус почти сливался с зимним сумраком. На крышке лежала кружевная салфетка, которую приносила свекровь. Анна всегда её убирала перед игрой и возвращала потом. Павел, оказывается, тоже вернул.

— Пианино я забираю, — сказала она.

— Куда?

— Это моя забота.

— Там лестница без лифта.

— Я буду снимать помещение на первом этаже.

Павел закрыл печную дверцу.

— Уже нашла?

— Смотрю.

— Анна, это почти триста килограммов. Перевозка...

— Я включила перевозку в расходы. Видишь?

Он взял список, прочитал, положил обратно.

За двадцать лет она научилась угадывать его возражения раньше, чем он их произносил. Вместе с этим пришла дурная привычка отвечать и на те, которые оставались только у неё в голове.

— Если помещение не сниму, поставлю на хранение. Я не собираюсь тащить его на спине.

— Я ничего такого не сказал.

— Хорошо.

Она обвела слово «пианино» и поставила свою первую букву в графе.

Павел задержал взгляд на этой букве. Потом спросил:

— Верин стол тоже тебе?

— Вера сказала, что ей не нужен. Можно продать.

— Она мне говорила оставить.

— Когда?

— Осенью.

Анна вытащила телефон. Открылось вчерашнее сообщение дочери: «Мам, делайте что хотите, мне в общаге его ставить некуда».

Показывать экран она не стала. У Веры это означало не разрешение, а усталость. Анна знала, но всё равно переписала ответ в удобную графу.

— Потом у неё спросим, — сказала она.

Они прошли в кабинет. Павел держал лист, Анна называла предметы: кресло, настольная лампа, книжный шкаф, старый монитор. Каждая вещь выглядела так, будто её уже оценивали чужие люди. На полке за словарями обнаружилась красная картонная коробка. Анна помнила её содержимое: детские рисунки, первый школьный пропуск, гипсовый оттиск маленькой ладони.

— Это Вере, — сказала она.

Павел кивнул и записал её имя поперёк граф.

Из спальни Анна забрала тёмно-синий шарф. Он лежал в нижнем ящике комода, рядом с её старым купальником. Шарф был мягкий, до сих пор пахнул лавандовым мешочком. Она приложила его к лицу и сразу опустила: Павел стоял в дверях.

— Шторы оставим? — спросил он.

— Оставим.

— Новым хозяевам?

Она не ответила сразу.

Он снова вернулся к дому. К тому самому пункту, ради которого они ехали сюда каждый своей машиной, чтобы после разговора не пришлось сидеть рядом.

— У тебя нет денег выкупить мою долю, Паш.

— Мне нужен срок.

— Мы обсуждали срок. Четыре месяца назад.

— Мастерская...

— Я знаю.

Ей хотелось сказать: «Я слишком хорошо знаю». Но она удержалась, и это небольшое усилие почему-то утомило сильнее дороги.

В кармане Павла зазвонил телефон. Он отошёл к окну.

— Да, Ир. Приехали. Мама поела? Хорошо. Нет, до вечера. Максимум завтра после обеда.

Анна вытащила купальник, посмотрела на выцветшие лямки и положила обратно. Когда-то они втроём ездили отсюда на озеро; Вера упорно называла камыши бамбуком. Теперь купальник был мал. Анна оставила его не из жалости к прошлому: просто не хотела класть мокрую когда-то вещь рядом с бумагами и шарфом.

— Что у них? — спросила она, когда Павел закончил.

— Снег. Ирина говорит, к ночи обещают метель. Мы до неё уедем.

Он посмотрел на часы. Без четверти час.

— Поедим? Я хлеб привёз.

— Давай сначала закончим кабинет.

Анна вернулась к шкафу. Там, на нижней полке, стояла коробка с шахматами, в которую давно складывали шурупы. Она подняла её и почувствовала, как внутри покатались металлические детали.

— Это тебе, — сказала она.

Павел записал.

Снег за окном пошёл гуще. Из кабинета больше не было видно ворот, только верхнюю перекладину и ту часть дорожки, которую он расчистил утром. Анна взглянула на часы. Она отвела этому разговору четыре часа. Пока они успели разделить шурупы, шторы и кофемашину.

Глава 2

Павел не знал, куда записать водонагреватель.

Он покупал его сам, ставил сам и дважды менял прокладку. Если дом продадут, бак останется на стене. Если дом останется ему, Анна, наверное, сочтёт бак частью своей доли. В списке была графа для стула за полторы тысячи рублей, но не было места для вещей, которые нельзя вынести, не оставив дыру.

Он положил ручку поперёк листа.

— Давай обедать. Потом про дом.

Анна ушла мыть руки. На кухне зажурчала вода, и Павел вспомнил, что надо наполнить ведро: при отключениях насос останавливался. Здесь свет пропадал каждую зиму. Обычно ненадолго, но зимой и часа хватало, чтобы разница между городом и этим домом перестала казаться приятной.

Вчера он проверил печь. Осенью приезжал печник, очистил трубу, осмотрел кладку; Павел хранил квитанцию в той же папке, где лежали документы на участок. В этой папке было ещё одно письмо. Он нашёл его перед отъездом и мог бы выбросить. Не выбросил: семнадцать лет бумага лежала под свидетельствами, никому не мешала, и избавляться от неё именно теперь было бы слишком похоже на уборку следов.

Анна думала, что тогда его не взяли на работу. Он сказал: «Выбрали другого». И она обняла его, стоя на кухне их первой квартиры.

Выбрали его. Он сам отказался.

Сейчас вспоминать это не следовало. Сначала надо было решить, каким образом не продать дом.

Павел разложил на доске хлеб, сыр, остаток запечённой курицы. Он привёз еды больше, чем на один обед. Было удобно купить готовое на два дня; что-то потом увёз бы домой. Объяснять Анне эту простую причину он не собирался. Она могла подумать, что он с самого начала хотел задержать её до завтра.

Она вернулась, засучив рукава. У правого манжета свитера вытянулась нитка. Павел заметил её и, прежде чем успел остановиться, протянул руку.

Анна отступила.

— Нитка, — сказал он.

— Вижу.

Он занялся курицей.

Они ели за кухонным столом. Не за большим, где лежали бумаги, а за маленьким, с вытертой клеёнкой. Анна села на своё прежнее место возле окна. Потом, будто заметив это, подвинула стул ближе к торцу.

— Я не прошу подарить мне твою долю, — сказал Павел.

— Я знаю.

— Можно выплачивать частями.

— Из чего?

Он прожевал. Её вопрос был справедливым, и именно поэтому хотелось ответить резко.

— У меня работа есть.

— Я тоже работаю. А помещение нужно оплачивать сейчас. Не через пять лет.

— Ты ещё его не нашла.

Она отложила кусок хлеба.

Павел понял, что сказал зря, но уже искал довод, который сделал бы фразу менее обидной. Дом надо содержать. Рынок зимой плохой. Риелтор выставит цену ниже. Всё это было правдой; всё это он произносил в последние месяцы, когда хотел не отвечать на её вопрос.

— Здесь место для занятий есть, — сказал он.

Анна посмотрела на него с удивлением.

— Детей сюда возить? Из города?

— Летом. Как курс. Ты сама хотела.

— Пятнадцать лет назад. Паш, я не могу строить жизнь вокруг того, чего хотела в двадцать восемь.

Он отвёл глаза к окну. На стекле таяли снежинки. Ветер переменялся, теперь снег летел со стороны сарая и брался за подоконник косой полосой.

Она действительно хотела летнюю школу. Он помнил, как они выбирали комнату наверху, как она измеряла её шагами. Тогда он ещё собирался расширить веранду и устроить отдельный вход, чтобы ученики не проходили через спальню. Потом у неё прибавились часы в школе, у него появились заказы. Через несколько лет Вера пошла в первый класс, и к летней школе так и не вернулись. Мечта осталась в виде рулона обоев в кладовой.

Павел хотел сказать: «Мы оба откладывали». Но Анна встала и унесла тарелку. Вода в раковине шумела слишком долго. Он посмотрел на телефон.

От Николая пришло сообщение: «Если у вас дела закончены — валите сейчас. На шоссе уже неприятно. Завтра у нас расчистка, вашу ветку когда получится».

Николай жил в Липовцах, ездил на дорожном тракторе и прежде присылал такие предупреждения без знаков препинания. Сегодня поставил тире. Павлу стало не по себе от этого маленького признака поспешности.

— Ань. Надо собираться.

Она обернулась.

— В смысле?

Он показал сообщение.

— Дома закончим. По видеосвязи. Здесь потом заберёшь что нужно.

— Хорошо.

Она не спорила. Павел испытал облегчение и сразу раздражение на себя: ему всё ещё было нужно, чтобы решение выглядело его разумным предложением, которое она наконец приняла.

Он отключил электрический обогреватель в кабинете, оставил печь догорать, проверил дверцу. Анна собрала бумаги. Синий шарф был уже у неё на шее.

На дворе снег поднимался от земли. Лопата стояла возле ворот, и Павел выбрал ею тяжёлый слой перед створкой. Перекладина снова виднелась целиком; казалось, если поторопиться, они успеют.

— Ты за мной, — сказал он. — Держи расстояние. Если что, звони.

— Да.

Он даже не успел удивиться её спокойному ответу.

На узком отрезке между соснами машина шла ровно. Здесь снег прикрывали деревья. Дворники работали быстро, мотор прогрелся, в салоне было привычное тепло. Павел думал, что Николай всё-таки перестраховался.

На втором повороте он увидел ель.

Ствол лежал поперёк дороги. Корневая плита поднялась вместе с комом земли, а верхушка уходила в канаву. До ствола было метров двадцать. Павел затормозил, включил аварийку и подождал, пока позади остановится Анна.

Она вышла почти одновременно с ним.

— Проехать никак?

— Нет.

По обочине тоже нельзя: слева глубокая канавка, справа молодые сосны. Он прошёл несколько шагов, держась от корневого кома подальше. Пилы в машине не было. Даже с пилой

тут требовались люди, которые умеют разбирать завалы; ствол лежал не на земле, а на двух согнутых ветках.

Павел набрал Николая.

— Коль, на нашей дороге ель. Сразу за вторым поворотом.

Ответ утонул в шуме. Он расслышал только «знаю» и «назад».

— Мы в доме. Левины. Двое.

— Дом... пока... трасса...

Связь прервалась.

Анна стояла у своей машины, прижимая воротник. На её ресницах белели снежинки.

— Что сказал?

— Возвращаться. Когда расчистят, не понял.

Он попытался перезвонить; вызов не прошёл. С другого оператора у Анны тоже не получилось. Дорога была достаточно широка, чтобы развернуться несколькими приёмами. Павел показал ей, где канава, и отошёл, давая самой повернуть машину.

Ветки над ними раскачивались. Упавшая ель лежала в том месте, через которое он проезжал вчера вечером.

Когда они вернулись, Анна не вышла сразу. Павел открыл ворота, пропустил её машину, загнал свою. Ветер с силой захлопнул пустую створку; он удержал вторую, и боль отдалась в колене.

Дом стоял на месте. Из трубы тянулся дымок, над крыльцом горела жёлтая лампа. Павел всегда радовался её виду зимой. Теперь она означала, что их поездка не окончена и ближайшие несколько часов им придётся провести вместе.

Анна забрала папку с пассажирского сиденья.

— У тебя цепная пила здесь есть?

— Есть. Но я туда с ней не пойду. Ветром ещё может положить дерево.

Она кивнула.

Он ожидал возражения, упрёка, хотя бы усталого «конечно». Не было ничего. Она прошла к крыльцу, стряхнула снег с сапог и вдруг остановилась.

— Ирина знает, где мы?

— Знает. Сейчас ещё напишу.

— Напиши, что мы пытались выехать. Чтобы не ждала на ужин.

В комнате Павел поймал одну полоску сигнала и отправил сестре короткое сообщение. Оно ушло. Отметка появилась не сразу, через минуту. Ирина ответила: «Поняла. Не лезьте никуда. У мамы останусь».

Он показал экран Анне. Она прочитала и присела на край дивана, не снимая шарфа.

Павел пошёл на кухню наполнять ведро. Теперь причин отложить разговор о доме у него было достаточно. Ему стало стыдно, что одна из них принесла облегчение.

Глава 3

Когда погас свет, Анна стояла у кухонной раковины. Сначала замолчал насос, потом щёлкнул холодильник. За дверью оборвалось ровное гудение обогревателя, и сразу стало слышно, как ветер стучит незакреплённой водосточной трубой.

В комнате ещё было светло. Электричество исчезло почти незаметно, но вода продолжала течь, пока не иссяк напор. Анна подставила под струю кружку. Успела набрать половину.

— Паш?

— Вижу.

Он вошёл с телефоном в руке, открыл шкафчик под раковиной, достал фонарь. Фонарь не загорелся. Павел повертел его, вынул крышку и что-то пробормотал.

— Батарейки?

— Там должны быть.

Она нашла пачку в ящике с открывалками. Две были использованы, три лежали в прозрачной упаковке. Он взял свежие, старые положил отдельно на подоконник.

— Почему не выбросил? — спросила Анна.

— Я сейчас их первый раз вижу.

Она чуть не напонила, кто пользовался фонарём последним. В этом не было никакого смысла. Несколько секунд Анна удерживала готовую реплику, словно горячую посуду, которую некуда поставить, потом открыла мусорное ведро и сбросила туда разряженные батарейки.

— Техническая вода в ведре, — сказал Павел. — Питьевая в бутылках. Две пятилитровые. Если понадобится, ещё в машине.

— В какой?

— В моей, за сиденьем.

Он достал из кухонного шкафа маленький радиоприёмник. Анна удивилась: думала, он давно сломан. Когда-то Вера крутила колесо настройки и смеялась над голосами, которые поочерёдно выныривали из шипения.

Павел включил радио. Из него донеслась песня. Слишком весёлая для того, что происходило за окном. Он убавил громкость и поставил приёмник возле фонаря.

— Звонок пробовала?

— Не проходит. И сообщения.

— У меня тоже. Давай экономить заряд.

На её телефоне оставалось сорок шесть процентов. Она утром зарядила его в машине не полностью: навигатор, разговор с ученицей, ещё один с матерью этой ученицы. Павел принёс чёрный павербанк и положил на стол.

— Здесь почти полный.

— Мой в сумке.

— Хорошо.

Они говорили просто, без разглядывания друг друга. Анна почувствовала, что впервые за день ей не приходится угадывать, что скрывается за каждым словом. Он спрашивал про заряд, потому что нужен был заряд.

В комнате тепло держалось. Она сняла шарф. На столе по-прежнему лежали два экземпляра проекта соглашения. Страница с ценой дома была сверху.

Анна убрала её в папку.

— Сегодня больше не будем, — сказала она.

Павел согласился без привычного «как хочешь».

Пока он переносил бутылки и отключал приборы из розеток, Анна обошла первый этаж. Окно в спальне было закрыто неплотно: нижний угол створки пропускал воздух. Она прижала

его, повернула ручку до упора. В кабинете от стены тянуло холодом. На верхний этаж подниматься не захотелось. Там зимой они не жили, и лестницу закрывала плотная занавеска.

Анна проверила заднюю дверь. На её раме висел длинный зелёный шнур. Когда-то к нему привязывали детский гамак; позднее Павел перенёс его сюда, чтобы крепить груз на багажнике.

За дверью был сарай. Теперь его едва видно.

— Дров до утра хватит? — спросила она.

— Хватит. Но надо принести ещё до темноты.

Она посмотрела на его ноги. Джинсы промокли у колен, когда он выкапывал створку ворот.

— Сначала переоденься.

Павел начал возражать, но провёл ладонью по мокрой ткани и замолчал. В спальне у него остались домашние брюки. У неё здесь оставались купальник и сапоги, и от этого различия Анна вновь почувствовала себя гостьей.

Она сняла шнур с крючка.

— Ты в сарай, я здесь. Если нужно, пойду с тобой.

— Я сам.

— Я не про то, кто сильнее. Я про то, что двор уже плохо видно.

Павел примерил шнур по длине. От заднего крыльца до сарая тянулась прямая дорожка вдоль забора, подальше от крупных деревьев. Он закрепил один конец на поручне, другой понёс с собой. Вышел, и ветер хлопнул дверью так, что Анна обеими руками вцепилась в ручку.

Через матовое стекло она видела, как он движется вдоль забора. Снег засыпал дорожку сразу за его шагами. Он добрался до сарая, исчез внутри, потом вернулся с охапкой. Анна приняла поленья, поставила их на пол. Павел пошёл второй раз.

На обратном пути он остановился. Анна уже собиралась открыть дверь, но он поднял руку. Перекладывал поленья, чтобы удерживать их удобнее. Пока стоял, куртку густо обсыпало снегом.

Она поймала себя на том, что ждёт его так же, как ждала раньше: прислушиваясь к шагам, боясь услышать падение. Развод не изменил слух.

После третьего рейса он закрыл дверь и сел на табурет в прихожей.

— Всё. На сегодня хватит.

Анна сняла с его плеча ком снега. Рука получилась слишком знакомой: одним коротким движением, без просьбы, словно они никуда не расходились. Он не поднял головы. Она прошла к печи и стала складывать поленья так, чтобы между ними оставался воздух.

К пяти за окнами совсем стемнело. Свет фонаря лежал на столе белым кругом. Павел закрепил его повыше на полке, и комната стала похожа на дачу во время их первых летних отключений. Тогда они радовались свечам, доставали карты, жалели, что у Веры рано слипаются глаза.

Анна достала из буфета две тарелки. Салат, сыр, курицу они доели; на завтра остались картофель, лук, консервы, овсянка и замороженные овощи в холодильнике. Было не голодно. Неприятно было считать.

— Завтра сварим что-нибудь на печи, — сказал Павел.

— Она медленно греет сверху.

— В маленькой кастрюле нормально.

— Я помню.

Он достал маленькую кастрюлю без дальнейших объяснений. Анна оценила это. Потом рассердилась: почему ей надо считать достижением то, что муж один раз не объяснил ей устройство собственного дома?

Ужинали в большой комнате. Павел включал радио на несколько минут и выключал между выпусками новостей. Передавали о заносах, перебоях, перекрытых участках. Ни их деревню, ни поворот к дому не называли.

Анна положила телефон возле окна. Попробовала вызвать экстренную службу, потом Ирину. Аппарат искал сеть, вызов не начинался. Она оставила сообщение: «Мы дома. Есть печь, вода и еда. Дорога перекрыта деревом. Связи почти нет». Серый значок так и остался возле текста.

У внутренней стены стояло пианино. Анна подняла крышку и нажала несколько клавиш. Верхняя нота прозвучала резко, соседняя провалилась ниже ожидаемого.

— Расстроилось, — сказал Павел.

— Оно давно расстроено.

— Ты летом настраивала.

— Весной. Перед концертом Веры.

Дочь тогда приезжала на майские праздники, сыграла два коротких произведения и объявила, что больше музыкой заниматься не будет. Анна знала это и раньше, но всё равно ждала, что ей станет жалко потраченных лет. Вере не стало.

— Она хорошая была, — сказал Павел.

— Хорошая. Просто не хотела.

Она опустила крышку. Её задело не то, что Вера бросила музыку. Дочь имела право бросить. Задевало другое: насколько долго Анна называла чужое желание временной ленью, не решаясь признать, что это желание существует отдельно от её собственной жизни.

— Ты действительно всё ещё хочешь преподавать? — спросил Павел.

В обычный день она услышала бы сомнение в её плане. Теперь он сидел в шерстяных носках, перед ним стояла тарелка с хлебными крошками, и вопрос прозвучал устало, без нападения.

— Хочу. Только по-своему.

— А выступать?

— Иногда.

Она не сказала, что по ночам до сих пор представляла выход на сцену. Представление было приятным, пока не доходило до настоящей работы, ежедневных часов за инструментом, страшных первых концертов. Признаваться в этом Павлу она не собиралась.

— Мне нужны некоторые ноты, — сказала она. — Из кабинета.

Папки стояли в нижнем отделении шкафа. Анна принесла их в комнату: в темноте удобнее было разбирать под фонарём. Между двумя сборниками оказался толстый прозрачный файл. На первом листе была квитанция печника. Дальше — старые планы участка, чеки на стройматериалы, пожелтевший конверт.

Анна вынула квитанцию.

— Это к документам на дом?

Павел протянул руку, но не взял файл.

— Да. Положи пока сюда.

Она положила его рядом со своей папкой и занялась нотами. Через несколько минут спросила, не глядя на мужа:

— Ты куда спать пойдёшь?

— На диван. Ты в спальню.

Ей хотелось отдельной двери, даже если за ней будет холоднее. Она отобрала три тонких сборника и сложила на стуле. За стеной ветер тянул водосточную трубу; звук повторялся с неровными промежутками.

— Если будет холодно, здесь второе одеяло, — сказал Павел.

Анна кивнула.

Прозрачный файл лежал между ними. Конверт внутри был адресован Павлу по их старой городской квартире. Она узнала крупные буквы его имени, но рассматривать штемпель не стала. Ей хватало на сегодня чужих и своих бумаг.

Глава 4

Павел мог дожидаться, пока она уйдёт спать, и убрать конверт.

В комнате стоял стул с её ногами; на спинку был перекинут синий шарф. Анна искала в телефоне последнее сообщение от дочери. Чужой экран освещал ей подбородок. Павел смотрел на прозрачный файл и представлял, как переносит его в кабинет, прячет в нижний ящик, утром забывает, потом выбрасывает вместе с ненужными счетами.

Он достал конверт.

— Мне надо тебе сказать про это.

Анна подняла глаза.

— Про что?

На конверте был логотип мебельной фабрики из Ярославля. Павел развернул лист. Бумага долго лежала сложенной; на сгибах проступили сероватые полосы.

— Тогда, с работой. Они меня взяли.

Она не протянула руку.

— Когда тогда?

— Когда мы ещё на Северной жили. Перед покупкой дома.

Анна выключила экран.

— Ты говорил, что не прошёл.

— Я отказался.

Она смотрела на письмо, теперь уже внимательно. Павел подвинул его ближе. В начале было обращение по имени и отчеству, внизу — подпись руководителя производства. Между ними помещалась вся несостоявшаяся жизнь: должность, оклад, возможность временно снять служебную квартиру.

Анна прочла до конца, потом ещё раз верхние строки.

— Почему?

— Испугался.

Это слово вышло легче, чем он ожидал. За ним можно было спрятаться: испугаться имеют право все. Он сразу почувствовал желание объяснить, насколько оправданным был страх.

— У них испытательный срок. Переезд, Вера маленькая. Здесь хотя бы всё было известно.

— Три месяца испытательного. Ты и здесь тогда на новом месте был.

Он молчал.

— Мы ходили смотреть квартиры, — сказала Анна. — Ты помнишь?

— Помню.

Они искали объявления, прикидывали дорогу до садика, Анна звонила знакомой преподавательнице из консерватории. Знакомая обещала узнать про часы в музыкальном училище. Павел знал, как она радовалась, и именно поэтому не признался после отказа. Сначала думал, что скажет через день. Потом фабрика ответила коротким пожеланием удачи, и у него появилась удобная фраза: выбрали другого.

— Ты мне ещё говорил, что я всё заранее придумала, — сказала она. — Что нельзя рассчитывать на предложение, которого нет.

— Я знаю.

— Нет. Ты помнишь слова. А я потом перестала туда звонить. Потому что мне было стыдно: столько всем рассказала, муж устраивается, мы переезжаем. Решила, что сглазила.

Павел с трудом удержался от «ты же не веришь». Она действительно не верила. Тогда он уверял её, что работу обязательно найдёт и здесь. Просил подождать ещё месяц, потом ещё один. Теперь письмо лежало между ними, и ссылаться на чужой отказ было невозможно.

— Прости, — сказал он.

Анна выровняла письмо на столе.

— Ты отказался за нас обоих. А меня ещё утешать тебя заставил.

Он помнил это утешение. Её ладонь на затылке, её уверенное «значит, не наше». Тогда она казалась ему удивительно сильной. Теперь в этом воспоминании появился его собственный поступок, и прежняя теплота стала почти невыносимой.

— Не хотел, чтобы ты считала меня трусом.

— Я считала тебя человеком, которому не повезло.

В комнате было слышно, как в печи сдвинулось полено. Павел встал и поправил его кочергой. Не потому, что требовалось: ему нужно было перестать сидеть под её взглядом. Анна ничего не сказала, но он почувствовал, что она узнаёт движение.

— Можешь сейчас печь оставить? — спросила она.

Он положил кочергу и сел.

Она долго гладила большим пальцем край бумаги.

— Я бы, может, сама не захотела ехать. Когда дело дошло бы до сборов. У меня здесь ученики. Мама рядом. Я могла отказаться. Но у меня этого выбора не было.

— Да.

Ему хотелось добавить про её маму, про Веру, про зарплату, которая после испытательного могла оказаться не такой большой. Он знал все доводы наизусть. Сейчас каждый выглядел попыткой опять доказать, что никто ничего не потерял.

— Почему сейчас? — спросила Анна.

— Потому что папку нашёл.

— А не нашёл бы?

Павел посмотрел на конверт.

— Не знаю.

Она коротко засмеялась, не весело.

— Хотя бы это честно.

Он понял, что сам ждал от признания награды. Не благодарности, конечно. Но какого-то смягчения, знака, что теперь они сдвинулись к лучшему. Вместо этого Анна положила письмо на его сторону стола и встала.

— Я пойду спать.

— Ань, там холодно.

— Мне сейчас надо быть одной.

Он не стал останавливать.

В спальне открылась дверца комода. Шаги, шелест ткани, потом закрылась дверь. Павел остался под белым светом фонаря.

В сорок пять лет он признался в одной лжи. От этого не исчезли другие годы. Он жил так, будто каждое его отложенное решение в конце концов растворится в общих хлопотах: ребёнке, ремонте, работе, болезни матери. Иногда растворялось. Когда Анна пыталась вернуть разговор, он называл её злопамятной.

Павел убрал письмо в конверт, конверт положил поверх файла. Прятать теперь было незачем.

Он застелил диван простынёй. Диван раздвигался с трудом; одну пружину давно пора было заменить. Павел принёс из кабинета старое кресло, придвинул его к краю, чтобы спать на широкой части и не выкатываться на пол. Потом остановился: здесь предстояло провести одну ночь, возможно две. Переделывать мебель сейчас не требовалось.

Ветер усилился. Водосточная труба стучала уже без пауз. Он слушал, не появится ли другой звук — треск стекла, удар сорванной ставни. Телефон показывал «нет сети». Сообщение Ирине, отправленное им после отключения света, тоже ждало.

Павел набрал короткий ответ Николаю с описанием ели и оставил его в очереди. Затем выключил экран.

Рядом с диваном лежала книга, которую Анна читала прошлым летом. На странице торчал кассовый чек. Он вытащил его, увидел покупки: хлеб, персики, салфетки. Дата была за три дня до её отъезда. Он вспомнил, как они ели персики на веранде, и не смог вспомнить, о чём говорили.

Её уход казался ему внезапным. Но в тот день она уже знала, где будет жить. Уже договорилась с коллегой о квартире. Уже складывала в голове вещи, которые возьмёт. Он спрашивал, спелые ли персики, и получил ответ.

Павел вернул чек на место.

Было почти одиннадцать, когда дверь спальни открылась.

Анна вышла в свитере, с одеялом и подушкой. Носки на ней были полосатые, толстые. Они когда-то покупали такие всем троим на рождественской ярмарке. Павел помнил только это и удержал воспоминание при себе.

— В спальне очень холодно, — сказала она.

— Ложись на диван. Я в кресле.

— Здесь можно на полу. Верин матрас можно принести...

— Под кроватью. Сейчас принесу.

Он сходил за тонким гостевым матрасом и расстелил его в другой части комнаты, ближе к внутренней стене, где от окна не тянуло. Анна положила подушку, проверила рукой пол. Потом села на матрас и расправила одеяло.

Павел подвинул к ней второе.

— Спасибо.

Это не было ни про письмо, ни про прощение. Он заставил себя услышать ровно то, что она сказала.

Анна легла лицом к стене. Павел убавил фонарь. Через некоторое время она спросила:

— Ты думаешь, мы там были бы счастливее?

— Не знаю.

— Я тоже.

На этом разговор закончился. Сначала Павел считал её дыхание, потом перестал. Он заснул под утро, положив руку на край дивана. Последнее полено ещё потрескивало в печи.

Глава 5

Утром Анна первым делом искала тапочки.

Рука нащупала под матрасом холодную половицу, свёрнутый носок, шнур от фонаря. Тапочек не было. Она вспомнила, что приехала сюда в сапогах, а свою домашнюю обувь забрала летом, и села.

Павел спал на диване. Одеяло сбилось у него на поясице. Он лежал на боку, одной рукой прикрывая лицо от света, хотя света почти не было. Возле печи тлели угли. В комнате пахло нагретой пылью; дыхание не было видно, но холод уже забрался под матрас.

Анна натянула второй носок. Телефон показывал семь сорок. Тридцать один процент. Ни один значок возле вчерашних сообщений не изменился.

Она прошла на кухню за водой. Ведро было прикрыто крышкой, но само ведро стало заметно легче. Вечером они мыли посуду, умывались, сливали в туалет. Анна рассчитывала утром быстро согреть кастрюльку и вымыться. Расчёт выглядел теперь чрезмерно городским.

Она налила немного воды в ковш. Питьевая стояла отдельно, под столом, в двух целых бутылках. Их ещё почти не трогали. Анна осторожно поставила ковш на печную плиту и подбросила два сухих полена. Огонь занялся не сразу. Пришлось присесть, разложить угли кочергой, вспомнить движение, которому когда-то учил её отец.

Павел проснулся от скрипа дверцы.

— Я встану.

— Лежи. Уже сделала.

Он сел. Волосы стояли у него торчком, левый щёчный след от подушки тянулся к уху.

— Который час?

— Без двадцати восемь.

— Спала?

— Немного.

Он помолчал, видимо, собираясь сказать что-то о вчерашнем разговоре. Анна заметила это и отвела глаза к ковшу.

— Вода почти кончилась. Которая в ведре.

— В бане есть ещё две канистры. Я на зиму оставил пустые... — Он потёр лицо. — Нет, пустые. Принесу снег. Для туалета хватит.

— Не сейчас. Снаружи всё ещё сильно.

Они оба посмотрели в окно. За двойным стеклом снег летел горизонтально; ни ворот, ни машины не было видно. Ветер шевелил нижний край занавески, хотя рама была закрыта.

Павел проверил ручку, потом отступил.

— Сделаем овсянку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.